

Забег на полторы тысячи метров среди девушек подходил к концу. И хотя ученицы первого класса бежали медленно, ни одна из них не сошла с дистанции — все дотянули до финиша.

Сяо Цзичун наставлял их перед стартом: мол, бегите в меру своих сил, если станет совсем неважно — сходите, ничего страшного. Но девочки оказались упрямыми. Им не хотелось сдаваться и уж тем более показывать свою слабость.

Как только финишировала последняя участница женского забега, пришла очередь парней — дистанция три тысячи метров.

Янь Жань, вооружившись фотоаппаратом, успел запечатлеть момент, когда девочки пересекали финишную черту. Глядя на то, как тяжело им пришлось, но как стойко они держались, он и сам проникся решимостью: «Я обязан добежать».

Перед мужским стартом Сяо Цзичун не стал разводить долгих речей. Ребята просто соприкоснулись кулаками, и он коротко бросил:

— Хорошо пробегите.

— Ага, хорошо пробежим.

Янь Жань, едва закончилось это короткое напутствие, сразу сорвался с места, чтобы передать камеру Лу Дань.

Когда он вернулся, Сяо Цзичун заметил, что одной банки Red Bull не хватает. Он протянул ему свою, из которой уже успел отхлебнуть:

— Придётся нам пить из одной. Ты не против?

Янь Жань, разумеется, против не был. Он с радостью принял банку и сделал пару глотков. Заметив, что друг, кажется, вознамерился допить всё до конца, Цзичун поспешно добавил:

— Эй, мне хоть немного оставь.

— Ой, — Янь Жань, и так пребывавший в предстартовом мандраже, тут же вернул остатки банки Цзичуну.

Тот взвесил её в руке, допил ещё пару глотков и окончательно всучил её Янь Жаню:

— Ладно, допивай сам.

— Нет, ты пей, — запротестовал тот.

— Всё, я больше не хочу, — отрезал Сяо Цзичун.

Пока Янь Жань допивал энергетик, староста начал разминку и между делом спросил:

— Нервничаешь?

— Есть немного... — признался Янь Жань. — Но вроде держусь.

В этот момент подошёл Цзян Кунь и, по-свойски приобняв Янь Жана за плечи, подбодрил:

— Не дрейфь. Если что, я тебя на буксир возьму.

Янь Жань посмотрел на него с искренней благодарностью.

Сяо Цзичун, увидев этот нежный и признательный взгляд, обращённый к Цзян Куню, вдруг почувствовал острый укол ревности. Он тут же стал неестественно серьёзным.

— Не пойдёт, — строго пресёк он. — За это дисквалифицируют, обоих с трассы снимут. Каждый бежит сам за себя. К тому же, Цзян Кунь, ты — наша главная надежда на медаль, так что думай о своём результате.

Цзян Куню ничего не оставалось, кроме как согласиться. Янь Жань тоже поспешил успокоить друга:

— Я сам справлюсь. Ты беги как следует, не оглядывайся на меня.

Ему и в голову не пришло, что слова Сяо Цзичуна продиктованы вовсе не заботой о правилах, а банальным собственничеством.

Лу Дань, стоявшая неподалёку, всю щёлкала затвором, снимая парней перед стартом. Проглядывая получившиеся кадры, она то и дело хихикала себе под нос. Янь Жань, мельком заметив её странную улыбочку, почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Грянул стартовый выстрел, и толпа десятиклассников хлынула за черту.

Поначалу все бежали плотной группой, но уже через пару минут участники растянулись по

всей дорожке.

Янь Жаню бег давался с трудом. Он не смел отвлекаться на других, сосредоточившись на собственном дыхании. Вдох, выдох... вдох, выдох... Но сколько бы он ни старался держать ритм, через какое-то время воздух начал заканчиваться. Грудь сдавило, в глазах поплыло.

Кто-то пытался протянуть ему воду, но у Янь Жаня не было сил даже поднять руку — он лишь слабо качнул головой.

Прошло ещё немного времени. Дышать стало почти невозможно, в груди жгло, сознание пугалось. Но он не хотел сдаваться. Только не сейчас. Шаг, ещё шаг...

Он почувствовал, как чья-то рука подхватила его под локоть. Где-то вдалеке послышался окрик судьи:

— Помогать запрещено! Вести под руки — дисквалификация!

«Вести под руки...» — мозг Янь Жаня лениво пережёвывал это словосочетание, но не успел он осознать смысл, как ноги подкосились, и мир окончательно погрузился во тьму.

Янь Жань отключился где-то на втором километре. Когда он пришёл в себя, то обнаружил, что полулежит-полусидит на земле, опираясь на чью-то грудь.

Его обступили одноклассники, но он всё ещё видел двоящееся изображение, и лица людей расплывались в сплошное пятно.

Вокруг стоял невообразимый гам, десятки голосов что-то выкрикивали, но Янь Жань не мог разобрать ни слова. Пока прямо над ухом не прозвучало:

— Открой рот. Выпей глюкозу.

«Это Сяо Цзичун», — вяло пронеслось в голове.

Янь Жань послушно приоткрыл рот. В него вставили трубочку, и он тут же ощутил приторную сладость.

Увидев, что Янь Жаню стало лучше, Сяо Цзичун обратился к обступившим их ребятам:

— Я отведу его в палатку отдыха. А вы возвращайтесь к остальным. Мы с Янь Жанем всё равно дисквалифицированы, а тем, кто ещё бежит, может понадобиться вода или поддержка.

Услышав распоряжение старосты, толпа нехотя разошлась.

Янь Жань просидел на земле, привалившись к Цзичуну, ещё минут пять. Только после пары глотков воды он окончательно пришёл в чувство.

Цзичун, заметив, что к лицу друга вернулись краски, помог ему подняться.

— Ты нас напугал, — негромко сказал он. — Прямо в обморок рухнул. Хорошо, что я был рядом и успел подхватить, а то бы расшибся о дорожку. В общем, завязывай ты с этими марафонами.

Янь Жаню стало невыносимо стыдно.

— Прости... Из-за меня ты тоже сошёл с дистанции.

Сяо Цзичун, убедившись, что лишних ушей рядом нет, повёл его к выходу со стадиона.

— Да брось ты. Я и записывался-то только потому, что больше некому было. Не переживай, три километра — невелика потеря.

Но Янь Жань всё равно казнил себя. Он ведь был уверен, что справится — в средней школе полторы тысячи метров никогда не были для него проблемой.

Увидев, что в зоне отдыха слишком много народу и Янь Жаня сейчас завалят расспросами, Цзичун решил:

— Давай лучше в класс вернёмся. Там ни сквозняков, ни лишних глаз.

Для Янь Жаня, сгоравшего от неловкости, это было спасением. Однако он не хотел и дальше обременять друга.

— Я сам дойду. У тебя же куча дел, не надо меня провожать.

— Обморок одноклассника — это и есть моё дело, — отрезал Сяо Цзичун.

Он велел Янь Жаню подождать его у выхода, а сам быстро сбежал к палатке за вещами, предупредил ребят и вернулся.

Лу Мин, провожая взглядом поспешно уходящего старосту, недовольно проворчал:

— Янь Жань — чисто пятое колесо в телеге. Только тормозит всех.

Сидевшая рядом Кэ Линьлинь уточнила:

— В каком смысле?

— Обуза, — буркнул Лу Мин.

Кэ Линьлинь на мгновение задумалась и вдруг прыснула:

— А мне он кажется какой-то принцессой. Порой слабее любой девчонки.

Лу Мин оживился.

— Да это только потому, что Сяо Цзичун слишком добрый и вечно с ним возится.

Кэ Линьлинь продолжала посмеиваться, но вскоре её смех сменился тяжёлым вздохом. В их Экспериментальном классе все были амбициозными — и парни, и девушки. Многие девчонки втайне сохли по Сяо Цзичуну, но гордость не позволяла им показывать слабость или навязываться. Они надеялись привлечь его внимание успехами в учёбе. Кто же знал, что всё внимание достанется этому «дохляку» Янь Жаню?

Забег на три тысячи метров тем временем завершился. Лу Дань с фотоаппаратом наперевес прибежала к палатке, надеясь застать там друга.

— А где Янь Жань?

— Нашу «принцессу» староста в замок на руках понёс. В смысле, в класс проводил, — ядовито ответил Лу Мин.

— Ха? Принцессу? — Лу Дань недоуменно захлопала глазами.

С Лу Дань шутки были плохи — девчонка была прямолинейной до мозга костей, могла и учителю в лицо всё высказать. Лу Мин испугался, что она передаст его слова Янь Жаню, и тогда Сяо Цзичун ему голову открутит. Он тут же перевёл стрелки:

— Это Кэ Линьлинь только что ему такое прозвище придумала.

Кэ Линьлинь, тоже побаивавшаяся старосту, возмущённо вытаращилась на него:

— Я такого не говорила!

Поняв, что поддержки не дожждётся, Лу Мин пробормотал:

— Ну, мы просто имели в виду, что он слабоват здоровьем.

Лу Дань лишь пожала плечами:

— Ну да, он худой совсем, вечно как при недоедании выглядит.

Лу Мина ещё больше задело то, как спокойно она приняла «хрупкость» друга.

— Слабый, а всё равно полез на три тысячи метров. Никакого самосознания. В итоге ещё и Сяо Цзичуна подвёл, тому пришлось дисквалифицироваться.

Лу Дань широко и лучезарно улыбнулась:

— Староста сказал, что на соревнованиях всегда случаются накладки. И если ты не готов принимать неудачи, то и побед не заслуживаешь. Так что ему плевать на этот забег, главное, что с Янь Жанем всё в порядке.

На словах она выдала пафосную речь, а про себя подумала: «Вот он, настоящий — роковая мужская красота, не иначе!»

С загадочной ухмылкой Лу Дань припустила к выходу со стадиона, чтобы найти Янь Жаня в школе.

В классе, кроме Янь Жаня и Сяо Цзичуна, оказалось ещё человек десять. Кто-то зубрил, кто-то слушал музыку, кто-то перешёптывался.

Среди прочих были Чжао Мэнжань и Го Юйфэн. Го сидел на стуле перед партой Чжао, развернувшись к ней лицом, и объяснял задачу по математике.

Когда вошли Янь Жань и Цзичун, Го Юйфэн заметно нахмурился.

Чжао Мэнжань, заметив старосту, протянула ему тетрадь:

— Сяо Цзичун, у нас тут с Го Юйфэном мнения разошлись по поводу этой задачи. Глянешь, как у тебя получилось?

Цзичун сбросил сумки на парту, взял тетрадь и, лишь мельком взглянув на условие, вытащил листок. Перо залетало по бумаге, и через несколько секунд он протянул решение девушке:

— Я сделал так. Это самый быстрый и простой путь. Правда, метод не из школьной программы, но ответ сойдётся.

Чжао Мэнжань и Го Юйфэн уставились в листок. Там красовались вычисления через производные и интегралы. Они ещё даже не приступали к высшей математике, так что для них это была китайская грамота.

— Староста, — жалобно протянула Чжао Мэнжань, — я не понимаю этих формул. Можешь решить обычным способом, как в учебнике?

Сяо Цзичун поморщился.

— Мне сейчас надо на стадион, скоро церемония закрытия и награждение. Все, кто в школе, тоже должны подойти. Давай я по дороге прикину решение через школьные формулы, ладно?

Чжао Мэнжань пришлось согласиться. Го Юйфэн, дождавшись, пока Сяо Цзичун выйдет, недовольно пробурчал под нос:

— Вечно он выпендривается!

— Тебе вечно кажется, что все вокруг выпендриваются, — осадила его Чжао.

Го Юйфэн стушевался и замолчал.

Янь Жань лежал на парте, уткнувшись лицом в скрещенные руки. Глаза были закрыты, но он внимательно вслушивался в разговор. В голове невольно рисовались их лица, и он подумал: «А ведь Го Юйфэн действительно влюблён в Чжао Мэнжань. Наверняка они втихаря встречаются, просто боятся признаться».

Разгадывание чужих сердечных тайн всегда доставляло Янь Жаню удовольствие. Но теперь этот «праздник жизни» приходилось праздновать в одиночестве — Сяо Цзичун строго-настроено запретил ему обсуждать подобные сплетни.

Запретил?

Ну, не то чтобы прямо запретил. Просто сказал, что если Янь Жань снова заведёт об этом речь, он ущипнёт его за щеку. А в том, чтобы тебя ущипнули, в общем-то, нет ничего страшного.

Янь Жань даже рискнул и легонько коснулся пальцами того места, за которое его тянул Цзичун.

Но здравый смысл быстро взял верх. «Ущипнуть» — это лишь форма наказания. На самом деле Сяо Цзичуну это неприятно, его это злит. Так что дело не в щеках, а в том, что Цзичун просто не хочет об этом слышать.

Вывод напрашивался сам собой: обсуждать любовь с Сяо Цзичуном — табу.

Янь Жань вздохнул. Знать о тайном романе Чжао Мэнжань и Го Юйфэна и не иметь возможности об этом рассказать — это была та ещё пытка.

<http://bllate.org/book/17500/1662179>